

научно-практических конференций по проблемам преподавания философии, результаты которых изложены в 14 тематических трудах, где обобщен передовой опыт преподавания в современных условиях. Возглавляя с 1993 г. исследовательскую группу «Профессиональные образовательные программы для различных уровней гуманитарного образования» в Межвузовском центре проблем гуманитарного и социально-экономического образования Министерства образования и науки РФ при Уральском университете, выступил инициатором переработки учебных программ по базовым курсам и разработки новых технологий

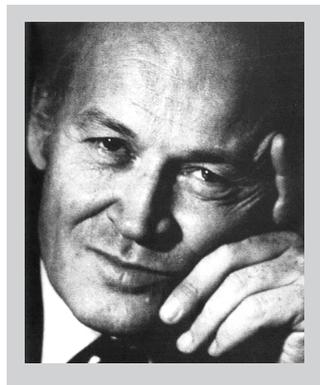
реализации их в учебном процессе. Награжден медалями «За доблестный труд»(1970) и «Ветеран труда»(1985), значком МВ и ССО СССР «За отличные успехи в работе»(1980).

Отмечая знаменательный юбилей замечательного ученого и педагога, видного представителя Уральской философской школы, его многочисленные ученики, коллеги и друзья поздравляют Владимира Васильевича и желают ему новых больших творческих успехов, крепкого здоровья и благополучия.

ФИЛОСОФСКИЕ БЕСЕДЫ

МИХАИЛО МАРКОВИЧ. РАЗГОВОР С ФИЛОСОФОМ

(Беседовал с мыслителем Др МиланТасич, проф.)

Михаило Маркович (1923, Белград), сербский философ-социолог, философ наук, логик. Участник Народно-Освободительной войны (партизан) и профессор Белградского университета. Защитил докторскую диссертацию в Белграде (в 1955 году) и Лондоне (1956 г., у проф. А. Ж. Айера), преподавал в университетах в Пенсильвании, Мичигане,

Констанце и др. Член Аристотелевского общества в Лондоне (с 1953 г.), Сербской академии наук и искусств (с 1963 г.), Международного философского института в Париже (с 1973 год.), как и ряда других национальных и иностранных научных обществ и редакций журналов. По решению Собрания республики Сербии, в 1975 году, смещен с должности профессора Философского факультета в Белграде.

*Михаило Маркович выдающийся представитель группы югославских философов “пракисовцев” (журнал *Пракис* 1963 г. – 1975 г., а потом и *Praxis International*, 1981 г. – 1991 г., Оксфорд), которые, идя по стопам марксизма, продумывали категорию практики вместо “отношения материи и сознания”, как “основного философского вопроса”.*

— Профессор Маркович, для философа и нефилософа является серьезным вызовом “разъяснить” выражение “американский интерес”. Что Вы можете сказать об этом факторе силы, о глобализации и может ли она совпадать с “интересом” самого широкого множества людей?

— Необходимо различать понятия “глобализация” и “глобализм”. Глобализация, это объективный и неуправляемый исторический процесс объединения мира. Науки и технологии развиваются как универсальный человеческий продукт. Различные цивилизации влияют одна на другую и проникаются. Соприкосновения различных национальных культур приводят к формированию целостной культуры человечества. Политическое

и экономическое сотрудничество получают глобальный характер.

Совсем по-иному глобализм, который означает идеологию и политику установления мировой власти определённых центров мощи, прежде всего, Соединённых Штатов Америки и их союзников. Эти два понятия особенно путаются. Себялюбивые, нечеловеческие интересы носителей глобализма прикрываются широтой и объективностью глобализации. Если глобализация — нужный исторический процесс и если американский империализм есть её составной элемент, тогда получалось бы, что борьба против неё есть борьба неисторическая, т.е. консервативная, ретроградная! Очевидно, речь идёт о хорошо обдуманной идеологической рационализации.

На самом деле, невозможно прийти к истинной интеграции мира, когда миру насильем навязывается отдельный и эгоистический американский интерес. Его инструменты — НАТО, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, иногда и Организация объединённых наций. Американская гегемония пытается осуществиться грубым шантажом, нарушением международного права, санкциями, полной экономической блокадой, вооруженной агрессией.

К счастью, глобализму уже сопротивляется мощное антиглобалистическое движение. Глобализм моментально проигрывает, ему не удаётся осуществить все свои цели и, в конце концов, он исчезнет как и всякий империализм в истории — от римского, через монгольский, турецкий, наполеоновский до гитлеровского. Как история ускоряет своё течение, так и каждый новый вид империализма длится короче.

— Фукуяма в 2000-ом году сделал “гегелевское” заключение о конце истории. Опять об отношениях в духе поданных и правителей (на этот раз, кажется, в лице либеральной экономики и демократии Запада). Можно ли считать, что этот вид общественного порядка может установиться между народами достаточно надолго?

— Фукуяма показал полное незнание Гегелевой философии, когда свой поверхностный и пристрастный тезис о западной либеральной демократии, как о конечном и длительном виде организации общества, попытался рационализировать с помощью

идеи Гегеля о “конце истории”. Эта идея имеет смысл только в рамках одной замкнутой, абсолютной системы объективного идеализма.

Фукуяма в исторически определенный момент выразил именно то, что американцы хотели услышать. Своим глобализмом и Новым мировым порядком они хотели остановить историю и увековечить идеологию и политику либеральной демократии. На самом деле, либеральная демократия — только начальный вид демократии, без настоящей и одинаковой свободы для всех граждан, без равноправия и социальной справедливости. Система, с которой, по Фукуяме, заканчивается история, несет в себе фатальные ограничения, которые, раньше или позже, должны быть превзойдены. Свободу граждан невозможно свести только к праву периодического выбора своих представителей, без права непосредственного принятия решений в своих рабочих организациях и местных объединениях. Их равноправие уменьшается; в лучшем случае, сводится к равенству перед законом. Участие в распределении результатов работы и общественного богатства совсем не одинаково. Уже в настоящее время очень вероятно, что либеральную демократию превосходит партиципативная демократия и что либеральное, нерегулируемое рыночное хозяйство должно уступить место регулируемому социальному рыночному хозяйству и привести к увеличению государственного обеспечения здравоохранения, просвещения, социального обеспечения, науки и культуры. Если это в настоящее время кажется утопическим проектом, то речь идет об утопии, которая в ходе времени осуществляется. Отмена рабства и крепостного права, равенство мужчин и женщин, ограничение рабочего дня 40 или 36 часами в неделю — когда-то тоже были мечтания, а теперь они реальность.

— **В своей философии вы обосновали идею “социалистического гуманизма”, следуя марксистскому учению. Чем, в сущности, вы “оплодотворили” это понятие?**

— Было, прежде всего, необходимо объяснить понятие человека. Многие марксисты просто повторяли тезис Маркса о том, что человек есть “совокупность общественных отношений”, или пользовались Ранними трудами Маркса, прежде всего, Экономическо-философскими рукописями (1844), из которых вытекает, что человек в сути своей есть “свободное, рациональное и творческое существо”.

Более глубокий анализ открывает, что человек есть поистине противоречивое существо, которое несет в себе диаметрально противоположные диспозиции: что он стремится к свободе, но зачастую и бежит от свободы и ответственности; что он может быть общественным существом, которое хочет принадлежать к некоторой общности людей, или индивидуалистом, который часто проявляет эгоцентричное поведение; что он стремится к творчеству, но иногда и к разрушению. Всё это охватывает дескриптивное понятие природы человека. Философы же, которые свою задачу видят не только в “объяснении”, но и в “изменении” мира, идут дальше и строят нормативное понятие природы человека, которое отвечает на вопрос: Кем человек не только может, но и должен стать? На этом пути он делает выбор между возможностями, старается практически создать такие общественные условия, в которых может преодолеть свою несвободу, иррациональность, асоциальность, деструктивность и осуществить себя как свободное существо, общественное, рациональное и творческое существо.

В этой концепции гуманизма, существенное значение имеют

понятия отчужденность и практика. Быть отчужденным значит не быть тем, чем человек может и должен стать, — значит быть несвободным, асоциальным, иррациональным и деструктивным. Практика, это не какая-либо деятельность, какая-либо работа, но та, которая не есть средство для какой-нибудь (ограниченной) цели (деньги, политическая мощь, любовь), но цель по себе. Итак, это деятельность, с помощью которой человек осуществляет свои наилучшие родовые диспозиции, то есть 1) он максимально проявляется как индивидуальное общественное существо и 2) удовлетворяет истинные требования остальных. Ключевые понятия этой антропологии это — практика, родовые диспозиции человека, отчуждение, само-созидание, подлинные человеческие потребности. Особый вклад, мой и моих единомышленников по праксис-философии — это идея гуманизма, и прежде всего, подробно и очень четко выраженная разработка философской антропологии, (особенно понятия природы человека, отчуждения и практики). Кроме того, развивалась политическая философия в духе социалистического гуманизма, теория государства, права, критика бюрократии и, очень четко разработана теория самоуправления, т.е. партиципативной демократии.

— **Именно с вашим именем связывается замысел праксис-философии. Как бы Вы сформулировали *differentiae specificae*, которая придает этому понятию характер единого принципа, из которого начинается и к которому возвращается сфера гуманизма, человечности?**

— Понятие праксиса позволяет преодолеть дуализм духа и материи, объектов и ценности. Это понятие имеет свое онтологическое, эпистемологическое и аксиологическое измерение. Это означает, что практическая деятельность опосредствует отношения между материей и духом. Своей внешней, воплощенной стороной она является чем-то объективным, материальным, что творит, оформляет и изменяет другие материальные предметы. Одновременно, она есть и нечто субъективное, чувственное, сознание о деятельности, о труде, который совершается и о сопротивлении противостоящей среды и, в конце концов, это сознание об изменении самого себя (само-сознание, само-деятельность). То, в чём практическая деятельность эпистемологически превосходит отношение материи и духа, есть тот факт, что мы непосредственно сознаем себя в ней. Всё остальное вывод, сознание о практической деятельности непосредственно дано. Другое, аксиологическое измерение праксиса показывает, что это не только деятельность, которая есть, которая объективно дана, но есть и что-то, что должно быть, значит ценность, идеал. Это не просто какая-либо работа, какое-либо производство, это та работа, то производство, в котором индивидуум осуществляет свой родовый потенциал, который для него есть цель сама по себе, и, одновременно, инструмент удовлетворения потребностей других людей в обществе.

В этом смысле понятие праксиса есть основательное понятие гуманистической философии марксистской ориентации.

— **Как произошло ваше удаление с Философского факультета в Белграде в 1974 году и группы семерых других профессоров?**

— Предыстория этих событий 1974 года начинается с 1963 года. В этом году, мы с группой моих сотрудников, философов гуманистов из Белграда и Загреба основали журнал *Праксис* и Международную летнюю философскую школу на адриатическом

острове Корчула. Тогдашние политические верхи Югославии, во главе с Йосипом Броз Тито, реагировали очень нетолерантно на критическое мышление, которое выражалось и в журнале, и в летней школе. Придерживаясь марксистского тезиса о философии как “критики всего существующего”, мы свободно обсуждали ограничения существующих институций социализма и особенно — бюрократическую структуру власти.

Эти идеи глубоко влияли на студентов, и это особенно выразилось во время студенческого протеста 1968-ого года. Тогда Тито нас обвинил в том, что мы “портим молодёжь” и требовал удалить нас из Белградского университета. Это было нелегко сделать, потому что в то время существовали законы, которые защищали самоуправление университета. Но был принят закон, согласно которому одним из условий прохождения конкурса на звание университетского преподавателя было соответствие “морально-политическим качествам”. Была установлена демократическая процедура, с помощью которой утверждается такое соответствие. Университет уважал эту процедуру и выбрал комиссию, в которой были пять профессоров из всех югославских университетов. Все они дали положительное заключение о нашем “морально-политическом облике” и все эти сообщения были единогласно приняты Советом Философского факультета в Белграде.

Шли годы и мы продолжали “портить молодёжь”. Наши коллеги, а особенно студенты, бесстрашно защищали нас. Наконец, в 1975 году, Народная скупщина Сербии приняла специальный закон, с помощью которого нас восьмерых отстранили от чтения лекций. Поскольку ни тогда, ни в следующие годы мы не занялись самокритикой и не покорились, было принято новое решение: в январе 1981-ого года нас восьмерых исключили из Университета. Я тогда, член Сербской академии наук и искусств, должен был подать заявление в бюро для принятия на работу.

Но это было очень непопулярное решение. Правительство Сербии засыпало протесты, не только из страны, но и из многих университетов мира. Уже в июле 1981, Правительство Сербии приняло решение о нашем возвращении в университет, в качестве научных работников Центра философии и общественной теории Института общественных наук в Белграде. Здесь мы все беспрепятственно работали до пенсии.

— *Можете ли для русских читателей сделать эскиз развития философской мысли в Сербии в прошлом столетии?*

— Когда сербская философия, после многостолетней тьмы и турецкого рабства, вынырнула в начале XIX-ого века, она оказалась под значительным влиянием Западной Европы (через Доситея Обрадовича и Вука Караджича) и России (через Светозара Марковича и Пётра Петровича Негоша). На стыке веков жили два оригинальных философа — Божидар Кнежевич (1862 – 1905) и Бранислав Петрониевич (1873 – 1954). Кнежевич занимался философией истории и написал Принцип истории (в двух томах 1898 и 1901). Петрониевич был философ энциклопедического знания и его главные произведения были Prinzipien der Metaphysik (в двух томах, Гейдельберг, 1904 – 1912) и Prinzipien der Erkenntnislehre (Берлин, 1900).

Социалистическая революция в Сербии вызвала большой интерес и в марксистской философии, чьим главным представителем был Душан Неделькович (1899 - 1984), который опубликовал критические труды о Бергсоне, Паскале, Гольбахе,

Леонардо да Винчи и критические комментарии к Гегелевой логике. В послевоенный период самой плодотворной была группа философов, собравшихся около журнала Праксис и Философия (Михаило Маркович, Любомир Тадич, Светозар Стоянович, Загорка Голубович и другие). Многочисленные печатные труды этой группы посвящены преимущественно социальной философии и этике, но также и проблематике теории познания и философии наук.

Среди остальных сербских философов выделяются Михаило Джурич своими комментариями Ницше и Хайдеггера, и Мирко Зуровац — своими капитальными произведениями в области эстетики. В период кризиса социализма в Сербии в конце века происходит реставрация эпигонской (больше всего аналитической) прозападной философии.

— *Каково Ваше отношение к советской философии? В книге «Философские встречи» из русских философов говорите об Эвальде Васильевиче Иленкове.*

— Сразу после войны, в 1947 году, пока я ещё был студентом, произошла моя первая встреча с одним советским философом. Это был Эрнст Кольман, который был лучшим знатоком философии естественных наук (которая всегда была на высоком уровне в советской философии), но как раз в это время, по личному приказу Сталина, написал первую советскую книгу по формальной логике. Меня и моих сотрудников не удовлетворило его толкование формальной логики, так как мы в это время занимались дальнейшим развитием идей Аристотелевой Топики и Гегелевой логики, т.е. возможностями развития неформальной, конкретной, одним словом—диалектической логики.

В эти годы мне в руки попал новый советский журнал Вопросы философии, чей первый номер был посвящен очень интересным дебатам об «Истории философии» Г. Ф. Александрова. Мы с сотрудниками с большим вниманием следили не только за этим журналом, но и за всем, что в последующие годы было напечатано в советской философии. Хотя я был ещё ассистентом, мой профессор Душан Неделькович поставил мне задачу доложить о состоянии советской философии на Первом съезде Сербского философского общества, который проводился весной 1951 года.

Мой интерес к советской философии был обновлен в 1957 году, когда я в первый раз посетил Советский Союз. В июне 1957 года в Ленинграде состязались шахматные делегации СССР и СФРЮ. В 1946 году я получил звание шахматного мастера и в Ленинграде был во главе шахматной делегации. Возвращаясь, мы остановились на несколько дней в Москве и я воспользовался возможностью и посетил Кафедру логики Московского университета. Один молодой коллега подарил мне капитальное произведение А.Маркова Теория алгоритмов (за пять лет до того, как его перевели на английский и оно стало доступным американцам). Тогда я занимался философскими проблемами математической логики. В России С.Яновская первая «пробила брешь» и инициировала очень удачное исследование в этом направлении, переводя и комментируя Гилбертову логику (Grundzüge der theoretischen logik).

В 1965 – 66 году наконец появилась возможность посетить Советский Союз в качестве философа, причем три раза в течение двух лет. Сразу после избрания членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств я выразил желание посетить Институт философии Академии наук СССР. Через два года это осуществилось и я две недели был в СССР, в Москве и в

Ленинграде. К счастью, перед поездкой я встретился в Белграде с Ниной Наумовой, научным сотрудником Института философии АН СССР, которая побывала в Белграде по обмену между нашими Академиями. Она произвела на меня блестящее впечатление своей непосредственностью. В Москве меня воодушевила вся группа молодых философов, которая собиралась вокруг Ильенкова. Это были блестящие молодые философы: Мотрошилова, Батищев, Дробницкий, Никитин, Смирнов, Замошкин, Давыдов. Мы прекрасно подружились, обо всем искренно разговаривали и надеялись на блестящее будущее. Все общество было на подъеме и у вас, и у нас. У меня особенно были близкие отношения с Эвальдом Васильевичем Ильенковым, который был старше и опытнее нас из всей этой группы. Я подружился с Бонифатием Михайловичем Кедровым, с трудами которого был знаком уже по прежнему периоду и интеллектуальным мужеством которого я увлекался со времен борьбы с «космополитизмом и преклонением перед границей». Об этом я тоже писал в 1951 году. Моя супруга Христина, славистка, перевела с русского книги Кедрова Предмет и взаимосвязь естественных наук («Предмет и взаимные везе природных наук», Нолит, Београд 1969) и Ильенкова Диалектика абстрактного и конкретного в Капитале Маркса («Диалектика апстрактног и конкретног у Капиталу Маркса», Нолит, Београд 1962).

По поводу смерти Кедрова я выслал статью о нем, которая была напечатана в Москве в книге, посвященной ему. Об

Ильенкове я написал большой текст, который опубликовал в моей книге Философские встречи (Белград, Предраг и Ненад, 2003, стр. 261 – 285). Он был блестящим, оригинальным мыслителем, интеллигентом широкой общей культуры. К сожалению, он был слишком тонкой чувствительной природы и не выдержал долго в суровых обстоятельствах, в которых жил. Иногда я с грустью думаю о том, какое произведение он мог бы создать, если бы так рано не ушел.

Сотрудничество мое и моего Комитета по философии и общественной теории Сербской академии наук и искусств продолжалось с Институтом философии АН СССР, через Мысливченко, руководившим Оделением истории зарубежной философии. Мы провели несколько научных собраний по проблемам общественных наук в Москве и в Белграде. К сожалению, это сотрудничество прекратилось в 1992 году, когда против Сербии ввели международные санкции и полную блокаду.

Всё-таки, с одним русским философом никогда не порвана связь и всегда я очень рад, когда встречаюсь с ним на международных собраниях. Это Владимир Лекторский, который привлёк моё внимание отличной книгой в области эпистемологии: Субъект-объект.

Вопреки всему, русская философия пережила впечатляющее развитие от Митина, Константинова и Йовчука до Ильенкова, Мотрошиловой и Лекторского.

И. Б. Фан

«РЕВОЛЮЦИИ ДЕЛАЮТСЯ ВЛАСТЬЮ» - «МАРКСИЗМ УМРЕТ СО СМЕРТЬЮ КАПИТАЛИЗМА».

Интервью с Б. Ю. Кагарлицким

Кагарлицкий Борис Юльевич (1958 г.р.) – известный деятель левого движения в России, кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений, председатель редакционного совета журнала «Левая политика» (2007 г.)

В 1980г. окончил ГИТИС.

Левый диссидент. За участие в деятельности марксистской молодежной группы (обвинен по ст. 172 «участие в деятельности антисоветской организации» и за «антисоветскую пропаганду и агитацию») в 1981 г. Борис Кагарлицкий 13 месяцев находился в Лефортовской тюрьме. Один из членов и учредителей партии Труда (19-21 августа 1991г.), депутат Московского Горсовета (1992- ?). В сентябре 1993 г., после роспуска Б.Н. Ельциным советов всех уровней, был арестован, обвинен за «защиту Советской власти» и «помолован без суда». В разное время участвовал в организации и деятельности левых политических групп, профсоюзного движения, Контр-Олигархического фронта (КОФР).

Автор множества научно-публицистических работ, в

том числе книг, изданных на английском языке: Мыслящий тростник; Мираж модернизации; Квадратные колеса: Как российская демократия была пущена под откос. К числу широко обсуждаемых в России книг Б.Ю. Кагарлицкого, изданных на русском языке, принадлежат следующие: Восстание среднего класса. М., 2003; Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004; Управляемая демократия. Россия, которую нам навязали. М., 2005; Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006; Политология Революции. Алгоритм. М., 2007.

Лауреат ряда международных и российских премий: премии Исаака Дойчера, премии «Золотой гонг 2000» и других.

Б.Ю. Кагарлицкий участвовал в работе Всероссийской научно-практической конференции «Левые в политическом пространстве современности», проходившей 11-12 мая 2007 г. в Екатеринбурге, выступал с докладом «Революционеры в эпоху стабильности: российские левые начала XXI века – проблемы организации», активно участвовал в работе круглого стола «Левая идеология и левый дискурс в политическом пространстве современности» и дискуссионной площадки «Социал-демократия в XXI веке: перспективы развития», где присутствовали лидеры политических и общественных организаций Урала, политологи, журналисты, представители научного сообщества молодые ученые Пользуясь случаем поближе познакомиться с одним из